

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ТРАДИЦИОННЫЕ МЕТОДИКИ И ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

В.Н. Давыдов

ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ ПЕРЕМЕЩЕНИЙ НА СЕВЕРЕ И В СИБИРИ: ПРАГМАТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АНТРОПОГЕННОГО ЛАНДШАФТА И РЕФЛЕКСИВНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ (по материалам полевых исследований 2007–2016 гг.)

Полевая работа проводилась среди эвенков на Северном Байкале в Бурятии, Забайкальском крае, в Олекминском районе Якутии в 2007–2016 гг. Также с 2014 г. автор проводил полевые исследования среди долган Долгано-Ненецкого муниципального района Красноярского края. В частности были собраны материалы по проблеме темпоральности (способам организации движений во времени), а также использованию инфраструктуры охотниками, оленеводами и рыбаками в процессе повседневных перемещений.

Вопрос об исследовании темпоральности был поставлен британским антропологом Тимом Ингольдом, вдохновленным картинами П. Брейгеля, в статье «Темпоральность ландшафта» [Ingold 1993]. Ингольд ставит задачу исследования ландшафта в динамике. Любой ландшафт имеет временное измерение и не является застывшим и замороженным, как на картинке, однако он часто

рассматривался как исследователями, так и администраторами как нечто статичное. Различные постройки и места, которые используют информанты, необходимо анализировать в динамике в контексте их взаимосвязи с другими местами и объектами. Например, охотничье зимовье — это всегда точка на пути из одного интенсивно используемого места в другое.

Если попытаться рассмотреть одно и то же место в динамике, то видно как в процессе перемещений охотники и оленеводы постоянно добавляют новые объекты и перестраивают, разбирают старые. Постройки постоянно модифицируются местными жителями в процессе их мобильности. Меняются не только постройки, но и сам ландшафт. Например, концентрация домашних оленей в одном месте приводит к постепенному заболачиванию территорий, образуются характерные кочки. Интенсивное использование охотничьих и оленеводческих баз приводит к вырубке леса.

Эвенки и долганы используют как стационарные, так и мобильные конструкции, причем стационарные постройки и инфраструктура служат оптимизации и рационализации мобильности. Северные охотники, оленеводы и рыболовы всегда комбинировали в своих повседневных практиках использование мобильной и стационарной архитектуры. Они жили в постоянном движении между множественными местами, куда они время от времени возвращались. В данном контексте они использовали некоторые из них особенно интенсивно. Использование построек и объектов инфраструктуры всегда происходило в контексте перемещения из одной точки в другую.

Рассмотрим роль интенсивно используемых мест в структуре перемещений эвенков и долган. Важную роль для оленеводов, рыбаков и охотников играет инфраструктура в поселках. Многие современные северные поселки были созданы в советское время как часть проекта перехода к оседлому образу жизни. Кроме того, многие поселения были созданы в рамках проектов индустриального развития — например, геологические поселки на Северном Байкале.

В научной литературе поселки часто противопоставляются стоянкам в тайге или тундре. Поселок мог рассматриваться как существующий отдельно от окружающего ландшафта. Таким об-

разом, создавалось несколько версий этнографии — «поселковая» и «таежная или тундровая этнография». Вопрос был только в том, что мы принимаем за центр системы координат, от чего ведем отсчет. Если поселение помещалось в центр, то создавался образ переходящего к оседлости населения. Повседневные практики в этом случае рассматривались через призму поселка. Если исследователь искал «традиционные формы», то акцент ставился на номуадизме и традиции. Здесь поселок рассматривается как неаутентичная и искусственно навязанная местному населению форма использования ландшафта.

В результате происходило конструирование жесткой границы между кочевым и оседлым населением. Поселок ассоциировался с современностью, с прогрессом, а жизнь в тундре или тайге интерпретировалась как своего рода «лаборатория прошлого», что-то отсталое, требующее патронажа и модернизации. Если использовать термин И. Фабиана, происходило «отрицание одновременности» [Fabian 2014], разделение жизненного мира местных жителей на две временные зоны, несмотря на то что выезд за пределы поселка — это не путешествие в прошлый век. Термины «номуадизм» и «оседлость», таким образом, являются категориями, которые ведут к ложным интерпретациям повседневного опыта охотников и оленеводов.

Охота и оленеводство всегда были связаны с интенсивными перемещениями. Термин «номуадизм» говорит о постоянном движении, в то время как «оседлость» предполагает использование стационарной жилища в населенном пункте. Между тем охотники и оленеводы могут использовать стационарные постройки как в поселках, так и за их пределами. Следует заметить, что противоречия, которые существовали между проектом перехода к оседлости и идеей развития оленеводства, обсуждались в ранней советской этнографии. Например, исследовавший северобайкальских эвенков К.А. Забелин [1930: 55] указывал на парадокс, который заключался в том, что администраторы не хотели отказаться от проекта перехода эвенков к оседлости, но в то же время не хотели допустить сокращения использования таежных территорий [Там же]. Забелин указывал на нецелесообразность превращения эвенков в работников сельского хозяйства, рыбаков и рабочих на

приисках, потому что советское государство нуждалось именно в «добытчиках пушнины».

Реализация проектов индустриального развития вела к созданию инфраструктуры, которая активно использовалась местными жителями для повседневных нужд. Можно привести много примеров, где местные жители адаптировали различные проекты для реализации собственных задач. Важную роль играют также практики обмена с геологами, полярниками, военными, вахтовиками. Не следует рассматривать проекты как нечто внешнее и существующее отдельно от населения. С самого начала их реализации местные жители, а также их животные (транспортные олени и собаки) были инкорпорированы в эти проекты. В освоении труднодоступных районов Сибири важную роль сыграли каюры [Давыдов 2013].

В процессе реализации проектов открывались и закрывались вахтовые поселки, инфраструктура которых использовалась местными жителями. Развал советской системы сопровождался закрытием многих государственных организаций, обладавших большим количеством зданий и техники. Часто заброшенные поселки служили местным жителям источником строительных материалов и запчастей. Охотники и оленеводы разделяют прагматическое отношение к инфраструктуре, адаптируют и модифицируют оставленные объекты и имущество для своих повседневных нужд. Например, оленеводы общины «Орон» на Северном Байкале в качестве топлива для дымокуров адаптировали деревянные части заброшенных домов, находящиеся на территории бывшего геологического поселка Перевал. В Каларском районе оленеводы используют железнодорожные мосты заброшенного ответвления БАМа (дорога на Чинейское месторождение), чтобы переправляться на машинах через горные реки. Жители поселка Сындаско на Таймыре более 20-ти лет использовали масло для снегоходов российского производства «Буран» из оставленных на территории заброшенного военного поселка Косистый железных бочек.

Эвенки-олeneводоы для постройки жилищ и изготовления инструментов обычно приспособивали материалы, которые могли найти неподалеку от места своей очередной стоянки [Туголуков 1969]. Данная стратегия была связана с необходимостью постоян-

ных перемещений. Передвигаясь с места на место, они брали с собой не все имущество, а лишь самое необходимое. На новых местах стоянок они активно использовали деревья, камни и остатки старых конструкций для того, чтобы организовать новый лагерь.

В постсоветский период для северян стала актуальной проблема дефицита строительных материалов, дров, инструментов и деталей для техники. Жители эвенкийской деревни Холодное на Северном Байкале активно использовали материалы, которые им удалось собрать на территории бывшей зверофермы. Местные жители адаптировали в своем хозяйстве клетки, в которых раньше держали песцов. В ходе своих повседневных практик местные жители часто производят орудия труда и средства передвижения из подручных средств, которые можно найти поблизости. На Таймыре многие средства передвижения, а также печи и коптильни изготовлены из металлических бочек для топлива. Бочка — универсальный строительный материал на Севере.

Реализация проектов индустриального развития сопровождается созданием регулярного транспортного сообщения. Эвенки и долганы используют любые возможности для перемещений людей и грузов. Например, постоянные маятниковые поездки вахтового транспорта во многих местах, которые используются охотниками и оленеводами как способ сократить затраты, связанные с перевозкой людей и грузов на охотничьи участки и базы.

Важный темпоральный аспект многих перемещений — это их одновременность, параллельное движение многих акторов. Здесь имеет место еще одно свойство мобильности на Севере, которое можно назвать рефлексивностью.

Социолог Энтони Гидденс пишет о рефлексивности как о черте современности (эпохи модернити) [Giddens 1993]. Однако определенные формы рефлексивности в обществах охотников-собираателей были всегда. Если попытаться охарактеризовать мобильность северян, то это прежде всего рефлексивная мобильность.

Что же представляют собой эвенкийские и долганские поселки? В них редко присутствуют одновременно все жители; эти населенные пункты находятся в состоянии постоянного отъезда и приезда людей. В этом смысле термин «оседлость» не отражает реалий местного природопользования. В каждый конкретный мо-

мент времени жители северных поселков рассеяны на огромной территории (которая, кстати, по площади может во много раз превышать площадь территории мегаполиса).

Рассматривая мобильность эвенков-оленеводов, можно найти много сходств с шахматной игрой [Миддендорф 1878; Давыдов 2015]. Работая с оленеводами, я обратил внимание на то, что информанты не только были очень хорошо знакомы с правилами игры, но и проводили параллели между шахматами и своими повседневными перемещениями. У эвенков и орочен Китая есть даже свой вариант игры — оленные шахматы, где в качестве фигур выступают олени и собаки.

Оленеводов в шахматах привлекает стратегия. Шахматы — это игра, организованная в определенном пространстве и не ограничивающаяся одним возможным ходом. Нужно постоянно обдумывать свои ходы различными фигурами, обладающими различным спектром действия, и постоянно пытаться предугадать действия противника. Делая ход в шахматах, необходимо принимать во внимание множественность вариантов возможных ходов противника, а также координировать действия и возможности каждой из фигур. В оленеводстве также важно следить за множеством факторов — подмечать малейшие изменения в окружающей среде, погоде, следить за направлением и силой ветра и запоминать направление, куда ушли олени, а также определять потенциально опасные места, где на стадо могут напасть хищники.

В этом контексте мобильность имеет много общего с игрой в шахматы: в оленеводстве важную роль играет рефлексия движений различных социальных агентов. Оленеводы неплохо играют не только в шахматы, но и в нарды, шашки, домино, которые, как и шахматы, могут моделировать логику пространственных перемещений.

Взаимная рефлексия мобильности и координации движений присутствует не только в оленеводстве, шахматах и других играх. Например, летом 2015 г. в поселке Новорыбное на Таймыре. Когда пассажиры ожидали отправления теплохода, который во время шторма стоял в бухте неподалеку, никто специально не договаривался о времени отправления, но к определенному времени все пассажиры прибыли на борт корабля. Меня очень удивил этот

факт: все были осведомлены, что шторм стихает и корабль должен, наконец, отправиться в поселок Сындасско. Понятно, что кто-то услышал на берегу гудок судна и проинформировал соседей, а те в свою очередь остальных жителей. Тем не менее в этом случае поразительна скорость распространения информации с учетом того, что в поселке Новорыбное до сих пор отсутствует сотовая связь.

Механизмом передачи информации в поселке, по словам самих информантов, служит «сарафанное радио» — случайные разговоры прохожих (в основном женщин) на улице. Если постоять днем в какой-либо точке селения, можно увидеть, как прохожие останавливаются, чтобы обменяться новостями со встреченными соседями. Естественно, не обходится без искажений и преувеличений. Информанты в Новорыбном, наблюдая разговоры прохожих, использовали метафору USB-флеш накопителя. Человек, который идет куда-либо, останавливается на разговор, чтобы обменяться информацией. «О флешку закачивает! Сейчас другому понесет!» — шутя сказал один из жителей, имея в виду обмен новостями.

Обмен информацией сопровождается рефлексией, интерпретациями, аналитическими процедурами. Много раз мне пришлось наблюдать ситуации, когда событие реконструировалось местными жителями при минимуме деталей. Владилен Александрович Туголуков назвал эвенков Шерлоками Холмсами тайги. Он обратил внимание на их умение с точностью реконструировать события по следам [Туголуков 1969: 34]. След в тайге, как животного, так и человека, говорит о многом. Охотники и олениводы умеют «читать» следы [Brandišauskas 2009: 133–134].

Таким образом, взаимная координация движений посредством как наблюдений, вербальной и невербальной коммуникации, так и умения прогнозировать, логики и интуиции позволяют жителям Севера быть в курсе перемещений друг друга или быть «встроенными» в «поток» перемещений [Urry 2012].

Люди на Севере живут в условиях удаленности от административных центров, плохой обеспеченности транспортом. Поэтому они используют любую возможность для обмена — передачи посылок родственникам и друзьям, живущим в соседних посел-

ках. Когда оказываешься на Таймыре, люди часто осведомляются о маршруте движения и просят перевезти какие-либо посылки, которые подписывают инициалами или именами. Для поддержания подобной системы реципрокации важно знать, кто, когда и куда собирается ехать. Имеет место одновременная рефлексия различных перемещений и отслеживание их направлений различными социальными агентами.

Местные жители являются экспертами в темпоральных аспектах мобильности. Мне приходилось не раз наблюдать как на северном Байкале, так и на Таймыре, с какой точностью местные жители строили прогнозы о прибытии транспортного средства в конечную точку, основываясь на знании территории, проезжая или проплывая по знакомым им местам.

Постройки и инфраструктура понимаются охотниками и оленеводами прагматически и не сводятся исключительно к постройкам и имуществу в населенных пунктах. Местные жители в каждый конкретный момент времени рассеяны на большой территории, поселок же выступает интенсивно используемым местом. При этом жители постоянно рефлексировали присутствие или отсутствие друг друга. В основном, жители поселка знают, кто находится в тундре, кто на рыбалке, кто на охоте, а кто, например, направился на поиски мамонтовых бивней.

Набор точек периодических возвращений охотников и оленеводов следует рассматривать как единую систему, в которую входят интенсивно используемые места и окружающий ландшафт. Данная система не является застывшей и содержит в себе возможность создания новых объектов. Отношение человека с материальными объектами и, в частности, инфраструктурой в контексте перемещений может рассматриваться как креативный процесс, в котором они постоянно создаются, модифицируются, переносятся с места на место. Причем постоянно изменяется функциональная значимость вещей и построек. В этом смысле стационарные объекты не являются чем-то статичным, они постоянно изменяются в контексте перемещения людей и животных. Сами постройки, а также из части могут перемещаться в пространстве и служат для интенсификации движения. Таким образом, современная эпоха трансформаций означает не только то, что люди вы-

нуждены меняться под воздействием внешних сил и интенций, но и то, что сами они активно меняют мир вокруг себя.

Инфраструктура задает каналы мобильности, делает ее интенсивнее в определенных местах. Практики мобильности и образованная в рамках проектов индустриального развития транспортная инфраструктура создают иллюзию освоенности территории, где карта с нанесенными на нее объектами превращается во властный инструмент.

Освоение пространства в рамках государственных проектов базировалось на делении между центром, откуда распределялись ресурсы, и периферией, но местные жители адаптировались к этим схемам и инкорпорировали их в свой жизненный уклад. Мобильность на Севере — это не какая-то особая отличительная черта современности, а скорее всегда существовавший рефлексивный процесс, позволивший освоить огромные пространства Арктики и Сибири.

Библиография

Giddens A. The Consequences of Modernity. Cornwall: T.J. Press (Padstow) Ltd., 1993. 186 p.

Давыдов В.Н. Власть проводника: каюры-эвенки и использование оленного транспорта на Северном Байкале // Ранние формы потестарных систем / Сост. и отв. ред. В.А. Попов, СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 267–280.

Давыдов В.Н. Ход конем: шахматы у эвенков-оленьеводов Северного Байкала и Прибайкалья // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2014 г. / Отв. ред. Ю.К. Чистов, СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 241–246.

Забелин К.А. Очерки по экономике Северо-Байкальского района // Жизнь Бурятии, № 4. С. 35–57.

Миддендорф А.Ф. Путешествие на север и восток Сибири. Ч. 2. Север и восток Сибири в естественно-историческом отношении. Отд. 6. Коренные жители Сибири. (Окончание всего сочинения). СПб.: Изд-во Имп. акад. наук, 1878. С. 619–833.

Туголуков В.А. Следопыты верхом на оленях. М.: Наука, 1969. 216 с.

Brandišauskas D. Leaving Footprints in the Taiga: Enacted and Emplaced Power and Luck among Orochen-Evenki of the Zabaikal Region in East Siberia. Dissertation submitted to the University of Aberdeen for the degree of Doctor of Philosophy in the School of Social Sciences, College of Arts and Social Sciences, Department of Anthropology. 2009.

Ingold T. The temporality of the landscape // World archaeology. 1993. Vol. 25. № 2. P. 152–174.

Fabian J. Time and the other: How anthropology makes its object. N.Y.: Columbia University Press. 2014. 219 s.

Urry J. Sociology beyond societies: Mobilities for the twenty-first century. L.: Routledge, 2012. 255 p.

Д.С. Ермолин

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ И ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА ГОРОДОВ КОСОВО НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ

Проблема изучения косовского вопроса (в скобках заметим, как и некоторых других «балканских тем») заключается в том, что ученый, по определению стремящийся к объективности и нейтралитету в своих суждениях и аргументах, зачастую *a priori* выбирает изначальную идеологическую платформу, на которой будут основаны его последующие суждения. Официальная позиция российского правительства по вопросу Косово, находящая отклик в сердцах тысяч россиян, в том числе и ряда ученых, хорошо известна. Однако подобная ситуация постепенно приводит к тому, что российская интеллектуальная общественность все больше погружается в обсуждение проблем, не имеющих ни малейшего отношения к геополитической ситуации сегодняшнего дня, а являющихся лишь частью во многом мифологизированного дискурса о том, что Косово — это «центральная часть Старой Сербии», «сердце и боль Сербии», «сербская Голгофа» и даже «последний Израиль сербского народа» [Тодоровић 2010: 363–379; Батакович 2014: 24–37].

Таким образом, совершенно закрытыми, не востребованными и малозученными остаются реальное положение дел и этносоциальные процессы, протекающие в послевоенное время (с 1999 г., особенно после провозглашения независимости в 2008 г.) в непризнанном Россией политическом образовании, население ко-